A 96 6/17

Пр.-доц. А. С. Орловъ.

Великорусская историческая литература XVI вѣка.

Конспектъ лекцій, читанныхъ въ И. М. У. въ 1911—12 ак. году.

Изданіе О-ва Взаимопомощи студентовъ-филологовъ.

МОСКВА.
Типо-Литографія В. И. Титяева, Срѣтенскія ворота, д. Малюшина.
1912.

Пр.-доц. А. С. Орловъ.

А 96/17

Великорусская историческая литература XVI вѣка.

Конспектъ лекцій, читанныхъ въ И. М. У. въ 1911—12 ак. году.

8257

Изданіе О-ва Взаимопомощи студентовъ-филологовъ.

МОСКВА.
Типо-Литографія В. И. Титяева, Срѣтенскія ворота, д. Малюшина.
1912.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 7727
„7" VII 193/ г.

ВЕЛИКОРУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVI В.

Прежде, чѣмъ разсмотрѣть памятники московскаго лѣтописанія XVI вѣка, необходимо коснуться лѣтописанія вѣка предшествующаго, такъ какъ именно здѣсь коренятся источники тѣхъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, которые достигли предѣльной сложности въ царствованіе Ивана Васильевича IV.

Расцвѣтъ лѣтописной дѣятельности падаетъ на первую четверть XV вѣка. Въ это время, по изслѣдованію А.А.Шахматова, создались два замѣчательныхъ лѣтописныхъ памятника, которые легли въ основу дальнѣйшаго лѣтописанія. Около 1425 года повелѣніемъ новгородскаго архіепископа создался въ Новгородѣ владычный лѣтописный сводъ, называющійся "Софійскимъ временникомъ". Въ 1423 году въ Москвѣ по повелѣнію митрополита Фотія

составленъ общерусскій по содержанію сводъ, носящій названіе "Владимірскій Полихронъ". "Владимірскій Полихронъ" имѣетъ источниками старую Новгородскую владычную лѣтопись, общерусскій Владимірскій сводъ начала XIV вѣка и рядъ отдѣльныхъ житій и сказаній; кромѣ того, онъ пользовался древнимъ хронографомъ типа "Еллинскаго лѣтописца". "Владимірскій Полихронъ" является памятникомъ относительно безпристрастнымъ, не устраняя извѣстій, враждебныхъ Москвѣ, и не исправляя мѣстныхъ пристрастій своихъ источниковъ. Во "Владимірскій Полихронъ" было внесено довольно много отдѣльныхъ повѣстей, дошедшихъ потомъ отсюда и до московскихъ лѣтописныхъ сводовъ XVI в. въ подновленномъ видѣ (см.Воскресенскій и Никоновскій Своды и Степенную Книгу). Въ числѣ этихъ повѣстей слѣдуетъ отмѣтить: "Повѣсть о чудесномъ избавленіи Москвы отъ Темиръ-Аксака", западнорусскую повѣсть о битвѣ при Ворсклѣ, о побѣдѣ Темиръ Кутлуя надъ Витовтомъ въ 1399 г., составленное еще въ XIV в. сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ "иже на Дону", Повѣсть о взятіи Москвы Тохтамышемъ 1382 г., "Слово о

житіи и о преставленіи великаго князя Дмитріи Ивановича, царя русскаго", 1389 г. Судя по Никоновской лѣтописи и другимъ позднимъ сводамъ, во "Владимірскомъ Полихронѣ" находился пересказъ устныхъ историческихъ старинъ XII - XIII в. о богатыряхъ (храбрахъ) Андрихѣ Добрянковѣ, Демьянѣ Куденевичѣ, Рогданѣ Удаломъ, Тимонѣ (Добрынѣ) Золотомъ поясѣ, Александрѣ Поповичѣ и др. Эта вспышка вліянія устной поэтической исторіи на письменную, книжную, сопровождавшая составленіе перваго въ XV в. общерусскаго лѣтописнаго свода, долго не разгоралась. Только во второй половинѣ XVI в. сборная отовсюду поэтика "казанскаго лѣтописца" воспользовалась снова сюжетомъ устной поэзіи.

Владимірскій Полихронъ 1423 года долго существовалъ и отдѣльно и легъ въ основу многихъ дальнѣйшихъ историческихъ трудовъ. Въ отдѣльномъ существованіи онъ нѣсколько разъ перерабатывался до 20-хъ годовъ XVI вѣка, то сокращаясь, то дополняясь изъ спеціально московской лѣтописи.

Первымъ, кто воспользовался Полихрономъ, былъ сербъ Пахомій Лагоеетъ, который лѣтъ 40 работалъ на Руси, исполняя агіографическіе и историческіе труды по заказамъ Москвы и Новгорода. Въ 1442 году на основаніи "Еллинскаго лѣтописца" и агіо-историческихъ сербскихъ источниковъ Пахомій Лагоеетъ составилъ "Хронографъ", причемъ для русской его части воспользовался Полихрономъ 1423 года. Хронографъ Пахомія сталъ весьма популярнымъ на Руси, его раза два переработали въ XV вѣкѣ и болѣе пяти разъ въ XVI-мъ. Старѣйшій видъ этого Хронографа изъ дошедшихъ до насъ сохранился въ редакціи 1512 года ("Книга, глаголемая гранографъ, сирѣчь лѣтописецъ"), исполненной Филоееемъ инокомъ Спасо-Елеазарова монастыря.

Въ 60-хъ годахъ XV в. Ростовскій владыка велѣлъ составить обширную компиляцію, въ основу коей легъ опять таки Полихронъ 1423 г.

Въ 1448 году въ Москвѣ по новгородскому заказу былъ исполненъ лѣтописный сводъ, въ основу котораго положенъ "Софійскій Временникъ" 1425 года, дополнен-

ный изъ "Владимірскаго Полихрона" 1423 года. Этотъ новый сводъ 1448 года, спаянный изъ владычнаго Временника и митрополичьяго Полихрона, далъ потомство въ видѣ такъ называемой "Софійской I-ой" лѣтописи, которая составилась въ Москвѣ между 1455 и 1458 гг., воспользовавшись, кромѣ свода 1448 года, еще Московскою лѣтописью. Во второй половинѣ XV в. изъ Софійской I-ой сдѣлали въ Москвѣ "Софійскую II-ую" лѣтопись по новгородскому заказу.

Весьма трудна по неясности исторія спеціально Московской лѣтописи, ведшейся, повидимому, при княжескомъ дворѣ. Изслѣдователями указывается нѣсколько ея видовъ, напр., составленные въ 1354 - 62 гг., 1380 - 81 гг., 1472 г. (великокняжескій сводъ 1472 г. пользовался между прочимъ лѣтописью вродѣ Лаврентьевской и Софійской II-ой). Изъ одного вида этой Московской лѣтописи, Софійской I-ой и изъ сокращенія Владимірскаго Полихрона въ 1480 году былъ составленъ Московскій сводъ, дважды затѣмъ передѣланный до XVI вѣка. Этимъ Московскимъ сводомъ пользовалось впослѣд-

ствіи много лѣтописей. Разъясняемая нами Московская лѣтопись, ведшаяся, повидимому, дьяками, имѣла оффиціальное содержаніе. Разнородные матеріали для этой оффиціальной работы представлялъ царскій архивъ (свидѣтельство изъ XVI в.). При Иванѣ Васильевичѣ IV веденіемъоффиціальной лѣтописи завѣдывалъ другъ Благовѣщенскаго попа Сильвестра окольничій Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ, по смерти котораго (1561 г.) эта работа была, повидимому, возложена на посольскаго дьяка Ивана Михайловича Висковатаго или Висковатова, который лѣтъ 10 передъ тѣмъ проявилъ себя врагомъ еще всесильнаго тогда Сильвестра Благовѣщенскаго.

.Для историческихъ сочиненій Московскаго царства XVI в., сложно составленныхъ на основаніи указанныхъ популярныхъ сводовъ, являются особо типичными: лѣтописный сводъ "Воскресенскій", названный такъ издателемъ XVIII в. по монастырю, которому списокъ свода былъ пожертвованъ патріархомъ Никономъ; схожій съ Воскресенскимъ сводъ "Никоновскій" ("Никоновская" или "Патріаршая лѣтопись"), названный такъ въ XVIII

вѣкѣ по тому же владѣльцу (п. Никону принадлежалъ одинъ списокъ), затѣмъ "Степенная книга Царскаго Родословія" и "Казанскій лѣтописецъ" или "Исторія о Казанскомъ царствѣ".

ВОСКРЕСЕНСКІЙ СВОДЪ.

Воскресенскій сводъ въ окончательномъ своемъ видѣ составленъ въ половинѣ XVI вѣка. Источниками его были: Троицкая лѣтопись (1409 г. - въ основѣ ея лежалъ протографъ Лаврентьевскаго списка, слитый съ Московскою лѣтописью), "Владимірскій Полихронъ" 1423 года, Московская оффиціальная лѣтопись, "Государевъ Родословецъ", составленный въ 1555 г., и одинъ изъ списковъ "Софійской I-ой" лѣтописи (списокъ купца Царскаго). Этотъ списокъ "Софійской I-ой" лѣтописи самъ былъ очень сложенъ, испытавъ вліяніе 1) передѣланнаго въ 1508 году сокращенія Владимірскаго Полихрона, 2) Московскаго лѣтописнаго свода 1480 го-

да, передѣланнаго въ 1494 году.

НИКОНОВСКІЙ СВОДЪ.

"Никоновскій сводъ" восходитъ 1) черезъ посредство новгородскихъ лѣтописей (между прочимъ 1539 г.), дополненныхъ Московскою лѣтописью, къ упомянутому выше "Ростовскому" владычному своду 60-хъ годовъ XV в., который имѣлъ въ основѣ "Владимірскій Полихронъ" 1423 г., и 2) къ сокращенію "Владимірскаго Полихрона", исполненному въ 1520-хъ гг. Одинъ изъ раннихъ видовъ еще несформировавшагося "Никоновскаго свода" А.А.Шахматовъ относилъ ко времени не позднѣе 1539 г. и приписывалъ этотъ видъ игумену Троице-Сергіевой Лавры Іоасафу (Скрипицыну), бывшему потомъ митрополитомъ. Развиваясь далѣе, "Никоновскій сводъ" воспользовался "Воскресенскимъ", главнымъ образомъ въ повѣствованіи 1521-41 годовъ. "Никоновскій сводъ" въ своей первоначальной редакціи сложился около 1550

года, но эта черновая редакція не дошла до насъ. Въ сохранившихся ея копіяхъ наблюдается разница въ отдѣльныхъ чтеніяхъ, вѣроятно, благодаря исправленіямъ, надстрочнымъ припискамъ и другимъ редакціоннымъ замѣткамъ упомянутаго чернового оригинала. Изъ этихъ копій наиболѣе важными являются Патріаршій списокъ 1556 г. и списокъ кн. Оболенскаго - позднѣйшій. А.А.Шахматовъ полагаетъ, что Никоновскій сводъ развивался въ палатахъ митрополита Макарія, будучи дополняемъ изъ особой официальной государственной лѣтописи, начиная съ событій 1534 г.

НИКОНОВСКІЙ ЛИЦЕВОЙ СВОДЪ.

Въ 70-хъ годахъ XVI в. создался, на основаніи всемірной хроники, описаннаго нами "Никоновскаго свода", дополненій (1558 - 67 гг.) изъ официальной лѣтописи и свѣдѣній очевидцевъ редакторовъ, особый сводъ, называвшійся "Царственными книгами" или "Пар-

ственной книгою". Этотъ новый сводъ, впослѣдствіи служившій обученію царевичей Алексѣя Михайловича и Петра Алексѣевича, былъ снабженъ обильными иллюстраціями – "лицами", почему и слыветъ теперь подъ названіемъ "лицевого Никоновскаго свода". Лицевой сводъ дошелъ до насъ и въ подлинникахъ и въ передѣлкахъ, фоліанты его, разнесенные событіями "Смутнаго времени" по разнымъ сторонамъ Россіи, печатно издававшіеся въ отдѣльности еще при Екатеринѣ II-ой, собраны теперь и изъ Сибири, и изъ императорскаго Кабинета и т.д., но едва ли Сводъ представленъ ими полностью. Въ началѣ этого Лицевого свода стоялъ отдѣлъ всемірной хроники (5 фоліантовъ), составленный по древнему Еллинскому лѣтописцу, русскому Хронографу, Библейскимъ книгамъ, повѣствованію объ Іудейской войнѣ Іосифа Флавія и т.п. Затѣмъ сохранилось изложеніе русскихъ событій отъ восшествія на великое княженіе Владиміра Мономаха (1114 г.) до 60-хъ гг. XVI в. Эта вторая часть свода возстанавливается по многимъ спискамъ, частію послѣдова-

тельно продолжающимъ другъ друга. Среди списковъ свода отмѣтимъ: "Древній Лѣтописецъ", "Синодальную Никоновскую лѣтопись съ рисунками", "Царственный Лѣтописецъ" съ рисунками и составленную нѣсколько позже "Царственную Книгу" - тоже съ рисунками (на ней запись - "Царственная 1-я часть"). На нѣкоторыхъ спискахъ Лицевого свода имѣются поправки, приписки и замѣчанія составителей (напр., откуда списывать въ Сводъ), что вводитъ насъ въ самую лабораторію лѣтописной работы.

Созданіе такого лѣтописнаго свода, какъ Никоновскій, ставится въ связь съ результатами конечнаго образованія политическаго могущества Москвы и съ сознаніемъ этого могущества послѣ побѣдъ надъ Казанью и Астраханью. Упоеніе этими побѣдами вызвало въ Иванѣ Грозномъ и окружающей его средѣ потребность въ памятникахъ, которые свидѣтельствовали бы о величіи Московскаго государства. И вотъ въ исходѣ 50-хъ годовъ возникла мысль объ иллюстрированномъ лѣтописномъ сводѣ, который долженъ былъ

представлять собою лѣтопись человѣчества отъ сотворенія міра, разсказанную по библейскимъ и продолжающимъ библію книгамъ (Іосифа Флавія объ Іудейской войнѣ), по хронографамъ, по полному своду старыхъ русскихъ лѣтописей; эта лѣтопись, подобно библіи, должна была показать, какъ десница Всевышняго вела Русь къ величію и могуществу, къ полной побѣдѣ надъ невѣрными агарянами, къ днямъ счастливаго царствованія Ивана Васильевича IV Грознаго. Царскіе ближніе люди и дьяки составляли эту лѣтопись, а московскіе иконописцы обильно ее иллюстрировали, при руководственномъ участіи митрополита Макарія и іерея Благовѣщенскаго собора Сильвестра.

Чтобы дать понятіе объ иллюстраціяхъ "Никоновскаго лицевого свода", остановимся на той ихъ части, которая находится въ Сборникѣ XVI в. московскаго Историческаго музея (описанъ В.Н.Щепкинымъ), представляющемъ собою одинъ изъ разрозненныхъ томовъ отдѣла всеобщей исторіи, которымъ начинался лицевой сводъ. Здѣсь сохранилось 1677 рисунковъ въ кра-

скахъ, принадлежавшихъ рукѣ нѣсколькихъ мастеровъ. Библейская 1-я часть Сборника съ апокрифическими вставками богата миніатюрами сельскаго и домашняго быта; 2-я часть Сборника, передающая Троянскую исторію въ двухъ видахъ, изображаетъ преимущественно бытъ городской и ратный. Лучшія изъ миніатюръ расписаны самой легкой, прозрачной акварелью. Въ нихъ наблюдается русскій иконографическій стиль, переходный отъ новгородскаго къ московскому, причемъ новгородскія черты состоятъ главнымъ образомъ въ осмысленномъ сохраненіи всѣхъ достоинствъ старинаго рисунка. Въ самой композиціи нѣкоторыхъ миніатюръ Сборника и въ архитектурныхъ деталяхъ чувствуется вліяніе западныхъ миніатюръ - раннихъ печатныхъ изданій нѣмецкой библіи (В.Н.Щепкинъ привлекаетъ къ сравненію изданія Кельнское 1470-80 г., Нюренбергское 1483 г.).

Сліяніе русскаго иконописнаго стиля новгородскаго типа съ западнымъ отмѣчено для XVI в. еще Ѳ.И.Буслаевымъ вотъ по какому поводу. Въ половинѣ

XVI в. возникло дѣло дьяка Ивана Михайловича Висковатова касательно осужденій, которымъ подвергалъ онъ иконы, писанныя для московскаго Благовѣщенскаго собора новгородскими и псковскими иконниками по заказу соборнаго іерея Сильвестра послѣ пожара 1547 года. Когда эти иконы поставили въ соборъ, дьякъ Висковатовъ сталъ публично обвинять ("вопилъ") мастеровъ въ томъ, что они приложили къ иконамъ свое мудрованіе, что иконы писаны безъ свидѣтельства, т.е. противно православному преданію и, безъ сомнѣнія, частію по образцамъ западнымъ, именно по гравюрамъ съ картинъ Чимабуэ и Перуджино. Въ 1554 году былъ созванъ соборъ, къ которому Висковатовъ приготовилъ письменное изложеніе своихъ недоумѣній, и подалъ его митрополиту Макарію. Сильвестръ тоже представилъ отъ себя объясненіе. На соборѣ дѣло было рѣшено не въ пользу Висковатова, хотѣли было его отлучить, но онъ подалъ "покаяніе" и отдѣлался трехлѣтней эпитеміей, испросивъ затѣмъ прощеніе у благовѣщенскаго клира.

КНИГА СТЕПЕННАЯ ПАРСКАГО РОДОСЛОВІЯ.

Въ XVI вѣкѣ замѣчается стремленіе соединять во едино или сливать памятники письменности, подводить разнородное содержаніе подъ одинъ канонъ Такъ, сочиненія, преимущественно агіографическія, были соединены митрополитомъ Макаріемъ въ Великихъ Четьихъ Минеяхъ, а мѣстные и общерусскіе по содержанію лѣтописные своды XV в. слиты въ болѣе сложные своды Московскаго царства, въ родѣ Никоновскаго. Составитель Степенной Книги пишетъ: "и прежде сего обрѣтаеми суть многія повѣсти..., но обаче не въ единомъ мѣстѣ, но на многи части особъ каждо, ова въ лѣтописаніяхъ, иная же индѣ... И отъ всѣхъ сихъ, яко отъ многоразличныхъ цвѣтедъ хощу собрати во едину словесную пленицу." Эти собирательные исторические труды XVI в. обычно проникнуты одной идеей, именно сознаніемъ религіознаго и политическа-

го могущества Московскаго царства, причемъ корни этого сознанія начали образовываться еще въ 1/2 XV вѣка и уже съ того времени стали проникать въ письменность. Пользуясь памятниками старыхъ временъ и частью переводами и сочиненіями югославянскими, русскіе историки уже съ начала XVI в. начинаютъ испытывать неудобство рѣчи своихъ источниковъ; такъ на "старыя" и "иностранскія" пословицы Пахоміева Хронографа 1442 года жалуется авторъ его передѣлки 1512 г. Эту архаическую рѣчь стали переводить на новую: въ 1552 г. митрополитъ Макарій писалъ въ своихъ Четьихъ Минеяхъ, что онъ:"многи труды и подвиги подъятъ отъ исправленія иностранскихъ и древнихъ пословицъ, преводя на русскую рѣчь". Старая рѣчь лѣтописи подверглась исправленію и въ позднѣйшихъ сводахъ XVI в., не всегда однако удачному: такъ, напримѣръ, въ Казанскомъ Лѣтописцѣ древнее "утеръ поту", т.е. успокоился отъ подвига, передано "утеръ поту лица своего", или въ Воскресенской лѣтописи сравненіе ся источника полковъ съ лѣсомъ: "полци...

аки борове", переведено, по недоразумѣнію "аки идоли". Суровый и краткій языкъ смѣнился пространнымъ, какъ бы пояснительнымъ. Затѣмъ въ историческое изложеніе влилась новая, инославянская струя.

Съ половины XV вѣка подъ вліяніемъ южныхъ славянъ, воскрешавшихъ старое византійское витійство, въ агіографическіе по преимуществу памятники проникъ высокопарный стиль, полюбившійся и особо украшенный при митрополитѣ Макаріи, стиль рѣчи, подобный роскошному травному и лиственному орнаменту московскихъ рукописей Макарьевскаго времени и первыхъ печатныхъ книгъ. Этотъ церковный по характеру стиль проникъ и въ историческіе труды XVI в.; сама исторія пріобрѣла благочестивое содержаніе и торжественный видъ житій правителей-подвижниковъ Московскаго государства. Такимъ именно торжественнымъ историческимъ памятникомъ является "Степенная Книга царскаго родословія", призванная служить изображеніемъ "родословнаго корнеплодія иже благочестно державствующихъ въ Русской землѣ". Приведемъ одно изъ

характерныхъ заглавій разсматриваемаго памятника: "Книга степенна царскаго родословія, иже въ Рустей земли въ благочестіи просіявшихъ богоутвержденныхъ скипетродержателей, иже бяху отъ Бога, яко райская древеса насаждени при исходищихъ водъ, и правовѣріемъ напаяеми, благоразуміемъ же и благодатію возрастаеми и божественною славою осіяваеми явишася, яко садъ доброрасленъ и красенъ листвіемъ и благодвѣтущъ; многоплоденъ же и зрѣлъ благоуханія исполненъ, великъ же и высоковерхъ и многочаднымъ рожденіемъ, яко свѣтлозрачными вѣтвли расширяемъ, богоугодными добродѣтельми преспѣваемъ. И мнози отъ корени и отъ вѣтвей многообразными подвиги, яко златными степенми на небо восходную лѣствицу непоколеблему водрузиша, по ней же невозбраненъ къ Богу восходъ утвердиша себѣ же и сущимъ по нихъ." Это - историческій сборникъ, изложеніе котораго расположено по родословной послѣдовательности, по степенямъ родства великихъ князей (отецъ - сынъ - внукъ - правнукъ и т.д.), начиная отъ Владиміра Святого и кончая Иваномъ Васи-

льевичемъ IV Грознымъ. Заключая въ себѣ живые примѣры (біографіи) государственной и церковной дѣятельности представителей свѣтской и духовной власти, "Степенная Книга" была назначена къ утвержденію въ понятіяхъ общества созрѣвшаго въ теоріи и дѣйствительности къ 1/2 XVI в. представленія о царѣ, который "существомъ тѣлеснымъ равенъ есть человѣкомъ, властію же достойнаго его величества приличенъ вышнему иже надо всѣми Богу; не имать бо высочайша себѣ на землѣ." Въ этихъ біографіяхъ говорится о "чудесно-рожденныхъ" князьяхъ, с "благословенномъ плодѣ", происходящемъ отъ "блаженнаго Владиміра", общаго родоначальника, "во всѣхъ Русскихъ самодержцахъ не бысть никто же въ нихъ, иже бы не благочестивъ былъ." Собственно, почти каждая біографія "Степенной книги" есть-агіобіографія. Почти половину книги занимаютъ житія и похвальныя слова. Будучи памятникомъ, основаннымъ исключительно на позднѣйшихъ лѣтописныхъ и другихъ произведеніяхъ XVI в., Степенная книга сохранила однако

и древнѣйшія извѣстія, дошедшія до нея черезъ лѣтописные своды, причемъ сѣдую старину этихъ извѣстій она пробовала истолковывать по своему, напр., она такъ гадаетъ о Деревской землѣ: "И иде Ольга сыномъ своимъ и воинствомъ по деревской земли, уставляющи уставъ и уроки и ловища. Нѣцыи же глаголютъ, яко Деревская земля бѣ, иже во области Великаго Новгорода,. нынѣ же деревская пятина именуема; иніи же глаголютъ, яко Сѣверская страна бѣ, идѣже бѣ Черниговъ градъ."

Принимая во вниманіе преимущество церковнаго элемента въ "Степенной Книгѣ", изслѣдователи полагали, что она составлена духовными лицами, и называли трехъ послѣдовательныхъ составителей Книги, митрополитовъ Кипріана (1381-82, 1390-1406 гг.), Макарія (1542-1563) и Аеанасія (1564-1566 гг.), переяславца по происхожденію, въ мірѣ Андрея. Кипріану приписывали предполагаемую первоначальную краткую редакцію "Степенной", основываясь главнымъ образомъ на извѣстіи историка Татищева, оказавшемся позднѣй-

нимъ домысломъ, будто м. Кипріанъ писалъ "степени великихъ князей Русскихъ", и на томъ, что въ дошедшей до насъ"Степенной" помѣщены нѣкоторыя произведенія послѣдняго. Митрополиту Макарію приписывали то окончательную редакцію "Степенной Книги", то руководство всѣмъ трудомъ ея составленія, основываясь на томъ, что два житія (св. кн. Владиміра и Алексѣя митрополита) составлены для Степенной по благословенію м. Макарія, и на томъ, что торжественныя идеи и высокопарный языкъ свидѣтельствуютъ о литературной манерѣ школы агіографовъ м. Макарія, которая усовершенствовала соотвѣтственныя черты югославянскаго риторства, бывшаго на Руси въ модѣ въ XV вѣкѣ. Участіе м. Аѳанасія, которому приписываютъ послѣдній 17-й степень "Степенной книги", утверждаютъ гл. обр. на основаніи одного Чудовскаго списка "Степенной", гдѣ значится, что Книга "собрана смиреннымъ Аѳанасіемъ, митрополитомъ всеа Русіи", и на основаніи предположенія о принадлежности нѣкоторыхъ разсказовъ "Степенной" сему Аѳанасію, а также на намѣренномъ умолчаніи

имени Аѳанасія въ извѣстныхъ отдѣлахъ Книги (см. разсказъ объ исцѣленіи его у гроба св. Александра Невскаго во время Казанскаго похода Ивана IV и въ Житіи св. Даніила Переяславскаго).

Но кто бы ни былъ составителемъ "Степенной Книги", содержаніе, идеи и стиль ея изложенія говорятъ о единствѣ труда и о времени Макарьевскаго ритортва, причемъ составъ основного вида Книги свидѣтельствуетъ о томъ, что она создалась въ 1560 - 1563 г.

Какъ памятникъ, составленный по точному плану, "Степенная книга" имѣетъ и точно опредѣленную внѣшность. У нея есть подробное оглавленіе ("Гранесованіе степенемъ и оглавленіе гранемъ"), гдѣ называются степени или грани, число главъ, на которыя дѣлятся степени, число и имена митрополитовъ, хронологически относящихся къ данной степени. Порядокъ расположенія статей таковъ: біографія и дѣятельность представителя степени, затѣмъ другія статьи; каждая статья имѣетъ видъ отдѣльной повѣсти, посвящены онѣ

гл. обр. прославленію подвиговъ благочестія, совершенныхъ "самодержавными" представителями рода Владиміра Святого, описанію чудесъ и знаменій, житіямъ и сказаніямъ о московскихъ митрополитахъ и нѣкоторыхъ подвижниковъ, имѣвшихъ отношеніе къ политическому и религіозному возвышенію Москвы, и близкихъ къ правящему роду.

Главнѣйшими источниками "Степенной книги" являются: 1) русскія лѣтописи въ сложно составленныхъ обширныхъ позднѣйшихъ сводахъ, извѣстія которыхъ переданы "Степенной" то въ болѣе распространенномъ витіеватомъ изложеніи, то сокращенно, ибо выбирались преимущественно тѣ извѣстія, которыя подходили къ цѣли составителя; 2) житія святыхъ и похвальныя слова, изъ которыхъ иныя составлены спеціально для "Степенной книги" по порученію митрополита Макарія.

ОДНО ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВЫРАЖЕНІЙ ИДЕИ ПОЛИТИЧЕСКАГО И РЕЛИГІОЗНАГО МОГУЩЕСТВА МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Изслѣдователями были высказаны предположенія объ участіи южныхъ славянъ въ составленіи "Степенной Книги". Какъ на образецъ "Степенной", указывали на Родословъ кралей и архіепископовъ сербскихъ агіографическаго характера, составленный архіепископомъ сербскимъ Даніиломъ II-мъ († 1338 г.); предполагали первоначальную "краткую" редакцію "Степенной Книги" и приписывали составленіе этой краткой редакціи митрополиту всея Россіи Кипріану, южному славянину XIV - XV в.; отмѣчали въ "Степенной книгѣ" вліяніе идейныхъ трудовъ сербина Пахомія (30-88 гг. XV в.) "сложителя словесемъ" ("Логоѳета"), литератора, усердно работавшаго на Руси надъ составленіемъ историческихъ и въ особенности агіографическихъ сочиненій. Участіе южнославянскихъ выходцевъ на Русь въ композиціи литературныхъ памятниковъ, одухотворенныхъ

идеей религіознаго и политическаго могущества Московскаго государства, очень вѣроятно, но нѣтъ, кажется, достаточныхъ основаній полагать, что кто-либо изъ южныхъ славянъ непосредственно участвовалъ въ созданіи "Степенной книги", какъ нѣтъ основаній относить ея составленіе къ эпохѣ расцвѣта (XV в.) южнославянскаго вліянія на Руси.

"Степенная книга" несомнѣнно плодъ литературной работы Макарьевской поры. На ней отразился стиль второй 1/2 XVI в. Но стиль этотъ дѣйствительно имѣетъ въ своей основѣ югославянское риторство, проникнувшее на Русь въ XV в.

Выше мы привели образецъ рѣчи "Степенной книги", украшенной листьями, цвѣтами, вѣтвистыми древами сада и т.д., полной торжественными искусными эпитетами изысканнаго вида. Въ параллель къ этому орнаменту, какъ свидѣтельство его источника, приведемъ цитату изъ "Слова о составленіи осьмого собора Латинскаго (разумѣется Флорентійскій 1439 г.) и о поверженіи Сидора Прелестнаго (т.е. митрополита всея Россіи

Исидора, согласившагося на унію православнаго и латинскаго исповѣданія), и о поставленіи въ Рустей земли митрополитовъ, по сихъ же похвала благовѣрному великому князю Василью Васильевичу (Темному)всея Руси." Ученые полагаютъ, что это слово въ окончательной обработкѣ выполнено въ 1461 г. и что послѣдняя часть его и общая обработка принадлежитъ Пахомію Лагоѳету. Вотъ заключеніе этого Слова въ параллель къ "Степенной": "Нынѣ убо въ послѣднихъ временахъ, богопросвѣщенная земля русская, тебѣ подобаетъ въ вселеннѣй и подъ солнечнымъ сіяніемъ съ народомъ истиннаго въ вѣрѣ православія радоваться, одѣя вся свѣтомъ благочестія, имѣя покровъ Божій на собѣ,многосвѣтную благодать Божію, исполньшися цвѣтовъ, богозрачнѣ цвѣтущихъ - Божіихъ храмовъ, яко небесныхъ звѣздъ сіяющихъ святыхъ церквей, яко же солнечныхъ лучь блещащихся, благолѣпіемъ украшаемы, и зборъ святаго пѣнія величаемы, державою владѣющаго на тобѣ богоизбраннаго и боговозлюбленнаго, богопочтеннаго и богопросвѣщеннаго и богославимаго богоцест-

венника правому пути богоуставнаго закона и богомудраго изыскателя святыхъ правилъ, благаго ревнителя о Бозѣ, и споспѣшника благочестію истиннаго православія, высочайшаго исходатая благовѣрію, богоукрашеннаго и великодержавнаго, благовѣрнаго и благочестиваго великаго князя Василья Васильевича, боговѣнчаннаго православью царя всея Руси."

Начиная съ Кипріана митрополита, южные славяне все чаще появляются на Руси, воспитанные на идеѣ расцвѣта національнаго самосознанія югославянскихъ государствъ, совпавшихъ съ пробужденіемъ этого сознанія въ Московскомъ государствѣ, чему способствовали слѣдующія событія. Въ 1439 году состоялся Флорентійскій соборъ, на которомъ шла рѣчь объ уніи православнаго греческаго и латинскаго исповѣданій. Русскіе люди были подавлены этимъ событіемъ, измѣною грековъ своему исконному православію. Въ 1453 г. колыбель православія Царьградъ - второй Римъ былъ взятъ турками, но, умирая подъ игомъ невѣрныхъ, онъ оставилъ предсказаніе императора Льва Премудраго (886 - 911), на-

чертанное на гробницѣ Константина Великаго, что послѣ овладѣнія Царьградомъ невѣрными явится "русый народъ", который освободитъ Византію и воскреситъ ея могущество. Въ Повѣсти о взятіи Царьграда Нестора-Искандера вмѣсто невразумительнаго "русый" читается "русскій". Весьма любопытно, что переводъ предсказанія Льва Премудраго въ одномъ спискѣ приписывается "священноиноку Пахомію", что дало поводъ А.И.Яцимирскому приписать этотъ переводъ Пахомію Логоѳету. Наконецъ, въ 1472 г. московскій князь Иванъ Васильевичъ III-й сочетался бракомъ съ конечной отраслью византійскихъ императоровъ, Зоею-Софьею Палеологъ, и этимъ самымъ какъ бы закрѣпилъ преемство Византійскаго православнаго царства Московскимъ. Наиболѣе яркое выраженіе этого преемства мы находимъ въ произведеніяхъ инока Спасо-Елеазарова монастыря Филоѳея. Въ 1512 г. онъ передѣлалъ Хронографъ, составленный Пахоміемъ Лагоѳетомъ въ 1442 г. Въ концѣ этой передѣлки находится плачъ о паденіи Царяграда; въ этомъ Плачѣ передѣлана болгарская запись

1/2 XIV в. на старой византійской хроникѣ съ пожеланіемъ расти и молодѣть Тырнову - "новому Царьграду". Вотъ какъ передѣлалъ ее Филоѳей. Указавъ на опустошеніе и паденіе благочестивыхъ царствъ Греческаго, Болгарскаго, Сербскаго и др., покоренныхъ турками, Филоѳей восклицаетъ: "наша же Россійская земля, Божіею милостію и молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ,растетъ и младѣетъ и возвышается; ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и расширятися до скончанія вѣка." Въ своихъ посланіяхъ Филоѳей писалъ: "вся христіанская царства преидоша въ конецъ и сошлошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть россійское царство; два убо Рима падоша (Римъ и Константинополь), а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быти"... "христіанская царства потопишася отъ невѣрныхъ, токмо единаго нашего государя царство, благодатію Христовою, стоитъ." Обращаясь къ великому князю Василію Ивановичу, Филоѳей восклицаетъ: "И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю,

яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь."

Передача духовныхъ сокровищъ политическихъ и религіозныхъ однимъ царствомъ другому издревле неоднократно изображалось литературою и словесностью въ видѣ передачи вещественныхъ сокровищъ и символическихъ знаковъ. Кромѣ того, связь колыбели политическихъ сокровищъ и святынь съ преемствомъ выражалась въ видѣ родства представителей царствъ. Въ XV - XVI в. (до 1523 г.) появилось "Сказаніе о князехъ Владимірскихъ" слѣдующаго содержанія. Сначала идетъ повѣствованіе о раздѣленіи вселенной между сынами Ноевыми. Далѣе слѣдуетъ генеологическій перечень великихъ властодержцевъ: называются имена Сеостра и Филикса, царей египетскихъ, Александра Македонскаго, Клія Цезаря. По смерти Клія братъ его Августъ, находившійся съ войсками въ Египтѣ, провозглашенъ былъ властителемъ вселенной: его облекли въ одежду царя Сеостра, препоясали его"по-

ясомъ дермогидомъ", на голову возложили митру Пора царя индійскаго, принесенную Александромъ Македонскимъ изъ Индіи, плеча покрыли "окрайницею" царя Филикса; кромѣ того Августъ увѣнчанъ былъ "вѣнцемъ Римскаго царства". Ставши верховнымъ властодержцемъ, Августъ "начатъ дань покладати на вселенную: постави брата своего Патрикія (византійскій титулъ, понятый какъ имя) царя Египту, Августалія (византійскій титулъ, понятый какъ имя) другого брата своего постави Александріи властодержца", Ирода - царемъ надъ Іудеи во Іерусалимѣ... ,"Илирика брата своего постави въ повершіи Истра, Піона постави во Отоцехъ Златыхъ, иже нынѣ нарицаются Угрове, и Пруса сродника своего постави въ брезѣ Вислы рѣцѣ, въ градѣ Марборокъ (Marienburg, польск. Malborg) и Турнъ (Thorn) и Хвойница (польск. Chojnice, нѣм. Konitz) и преслокутый Гданескъ (Данцигъ) и ины многи грады - по рѣку, глаголемую Нѣманъ, впадшую въ мсре. И житъ

Прусъ многа времени лѣтъ и до четвертаго роду; оттоле и до сего времени зовется Прусская земля."

По предсмертному совѣту воеводы своего Гостомысла новгородцы отправились въ Прусскую землю и тамъ нашли "нѣкоего князя, именемъ Рюрика, суща отъ рода римска Августа царя." Приглашенный русскими послами, Рюрикъ вмѣстѣ съ братьями прибылъ въ Новгородскую землю и сталъ здѣсь "первый княжити." "Отъ великаго князя Рюрика великій князь Владимеръ 4-е колѣно, иже просвѣти русскую землю святымъ крещеніемъ въ лѣто 6496."

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему отдѣлу "Сказанія" обратимъ вниманіе на источники описанной его части. Генеологія потомковъ Ноя основана не на библіи только, а на византійскихъ хронографахъ, очевидно - на русской редакціи югославянскаго перевода древней хронографической компиляціи, заключавшей въ себѣ Александрію, т.е. Повѣсть о дѣяніяхъ Александра Македонскаго, Слово Меѳодія Патарскаго и др. "Поясъ дермогидъ" = алый (vermilius) поясъ упо-

минается также въ описаніи княжескаго наряда, помѣщенномъ въ Шестодневѣ Іоанна экзарха Болгарскаго. То есть въ числѣ источниковъ "Сказанія о князехъ Владимірскихъ" былъ тотъ старый хронографическій матеріалъ, которымъ пользовался сербинъ Пахомій Логоѳетъ на Руси для составленія своего "Хронографа" въ 1442 г. Замѣчательно, что въ Повѣсти о латынѣхъ, составляющей часть сказанія о Флорентійскомъ соборѣ въ редакціи Пахомія Логоѳета, имѣется фраза, объясняющая имя ставленника Августа Піона: "Пеони глаголемѣи Угри, иже сами нарушаются Магерѣ". Другими словами, многоѳ говоритъ о возможности приписать хотя бы часть "Сказанія о князехъ Владимірскихъ" творчеству Пахомія Логоѳета-книжника, знакомаго, очевидно, и съ западной "Космографіей", такъ какъ именно въ Западной "Космографіи" "Златыми Отоками" называется Венгрія и Чехія, гдѣ "златыя руды копаютъ множество."

Послѣ разсказа о Рюрикѣ въ "Сказаніи о Князехъ Владимірскихъ" идетъ новый отдѣлъ, съ особымъ загла-

віемъ: "Поставленіе великихъ князей русскихъ откуду бѣ, и како начаша ся ставити на великое княженіе святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ." Поставленіе это начинается слѣдующими словами: "Въ лѣто 6622 бысть сіи князь великій Владимеръ Всеволодовичъ Мономахъ, князь великій Кіевскій, правнукъ великаго князя Владимера, просвѣтившаго Русскую землю, отъ него же 4-е колѣно. Той бо Мономахъ прозвался отъ таковыя вины" (т.е. по такой причинѣ). Владиміръ Всеволодовичъ держитъ совѣтъ со своими князьями и боярами. Я, говоритъ онъ, малъ, по сравненію съ тѣми, кто прежде меня царствовалъ и правилъ хоругви скипетра великія Россіи, какъ то: Олегъ, ходившій на Царьградъ и взявшій съ него дань, или Всеславъ Игоревичъ, одержавшій подобную же побѣду. Будучи Божіею милостію настольникомъ своихъ прародителей и сподобленный ихъ чести, спрашиваю васъ, какимъ подвигомъ могу я превознести имя св. Троицы "вашея храбрости могуществомъ, Божіею волек съ нашимъ повелѣніемъ." Покорные князья, бояре и воеводы предоставили рѣшеніе самому

Владиміру, ибо "сердце царево въ рущѣ Божіи." Владиміръ собираетъ многотысячное воинство и отпускаетъ его на Ѳракію, область Царя-града; войско вернулось съ побѣдой и богатствомъ. "Тогда бѣ во Царѣградѣ благочестивый царь Костянтинъ Мономахъ, и въ то время брань имѣя съ Персы и съ Латины." Константинъ Мономахъ посылаетъ ко Владиміру пословъ: митрополита Ефесскаго Неофита отъ Азіи, двухъ епископовъ Митулинскаго и Мелетинскаго, стратига антіохійскаго, игемона Іерусалимскаго и другихъ вельможъ. Царь Константинъ снимаетъ со своей шеи крестъ отъ животворящаго древа, съ главы - царскій вѣнецъ, съ плечъ - ожерелье "сирѣчь святыя бармы" и велитъ принести "крабѣйцу сердоликову, изъ нея же Августъ царь Римскій веселяшеся". Все это съ другими дарами царь Константинъ передаетъ поименованнымъ выше посламъ, съ наказомъ поднести князю Владиміру при такой рѣчи: "Пріими отъ насъ, боголюбивый и благовѣрный княже, сія честныя дарове, иже отъ начатки вѣчныхъ лѣтъ твоего родства и поколѣнія царскій жребій на

славу и честь на вѣнчаніе твоего вольнаго и самодержавнаго царствія... Мы отъ твоего благородія просимъ мира и любве, яко да церкви Божія безмятежна будетъ и все православіе въ покоѣ да пребудетъ подъ сущею властію нашего царства и твоего вольнаго самодержавства великія Россіи, да наричаешися боговѣнчанный царь, вѣнчанъ симъ царскимъ вѣнцемъ рукою святѣйшаго митрополита Киръ Неофита со епископы." Съ того времени князь великій Владиміръ Всеволодовичъ "наречеся Мономахъ, царь великія Россіи". "Оттолѣ и донынѣ тѣмъ царскимъ венцемъ вѣнчаются великіи князи Владимерстіи, его же прислалъ греческій царь Констянтинъ Мономахъ, егда поставятся на великое княженіе Россійское."

"Сказаніе о князехъ Владимірскихъ" встрѣчается и отдѣльно и въ разныхъ историческихъ памятникахъ XVI в., причемъ отражался въ нихъ то первый его отдѣлъ (генеалогія русскихъ великихъ князей и царей отъ Августа Кесаря), то второй отдѣлъ (полученіе великимъ княземъ Владиміромъ Мономахомъ цар-

скихъ инсигній отъ императора Константина), то оба отдѣла вмѣстѣ. Такъ "Сказаніе о князехъ Владимірскихъ" мы находимъ: въ спискахъ позднѣйшихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ типа "Воскресенскаго" и "Никоновскаго", въ Архивскомъ спискѣ лѣтописи, которая ошибочно называлась Карамзинымъ "Ростовскою", по мнѣнію о принадлежности этого списка св. Димитрію Ростовскому, въ сложной лѣтописи по списку Дубровскаго XVI в. и т.д.; въ "Степенной книгѣ", см. передъ степенями въ статьѣ о Рюрикѣ, въ 8-ой главѣ 4-ой степени о Владимірѣ Мономахѣ; въ похвальномъ словѣ Михаилу кн. Черниговскому черноризца Филолога, помѣщенномъ въ сентябрьской книгѣ Великихъ Четьихъ Миней митрополита Макарія; въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, куда статья попала черезъ Степенную книгу и т.д. вплоть до официальныхъ документовъ сочиненій ("Государевъ Родословецъ" 1555 г.) и до произведеній устной народной поэзіи. Такъ Олонецкая старина поетъ:

"Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я повынесъ царенье изъ Царя-града,
Царскую порфиру на себя одѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ!"

Въ XVI в. на Руси были и другія повѣствованія о древнихъ инсигніяхъ власти, вѣроятно, переводнаго происхожденія, напримѣръ, "Посланіе въ Вавилонъ градъ отъ царя греческаго Улевуя", т.е. Льва, съ прорицаніемъ котораго о Царьградѣ мы уже встрѣчались. Съ именемъ императора Льва VI, прозваннаго "Премудрымъ" (886 - 911 г.), соединялось много легендъ и въ Греціи и у славянъ. Еще новгородскій архіепископъ Антоній (Добрыня Ядрейковичъ) видѣлъ въ церкви святой Софіи въ Константинополѣ "икону Киръ Лея софоса", на челѣ коего былъ "камень драгій", освѣщавшій ночью церковь. Клирики софійскіе передавали Антонію, что "царь Киръ Лей" взялъ грамсту въ Вавилонѣ во гробѣ у св. пророка Даніила. Въ Царьградѣ ее перевели по гречески и оказалось, что на ней "написано бысть имена царей греческихъ, кому

паремъ быть дондеже стоитъ Парьградъ." Итакъ царь Левъ ходилъ за какимъ-то сокровищемъ въ Вавилонъ, а по библіи (кн. пр. Іереміи) о Вавилонѣ сказано: "И будетъ Вавилонъ въ запустѣніе жилище зміемъ, въ чудо и позвисданіе, понеже не будетъ живущаго." И вотъ на основаніи разныхъ подобныхъ легендъ и представленій создалось извѣстное на Руси "Посланіе въ Вавилонъ градъ отъ царя греческаго Улевуя, во святомъ крещеніи Василія иже посла въ Вавилонъ градъ посланники своя испытати тамо знаменіе у святыхъ трехъ отроковъ Ананіи и Азаріи и Мисаила." Собравъ войско, царь Левъ направляется къ Вавилону. Не доходя пятнадцати поприщъ до этого города, онъ останавливается, выбираетъ трехъ благочестивыхъ мужей (грека, обежанина и русскаго) и посылаетъ ихъ въ Вавилонъ "взять знаменіе" у святыхъ трехъ отроковъ Ананіи, Азаріи и Мисаила. "Идоша посланницы медливо зѣло, понеже путь тѣсенъ, и съ великою нуждою идоша." Вокругъ города "израсте быліе великое, аки есть волченъ, трава безугодная." Было тутъ, кро-

мѣ того, много "гадовъ всякихъ, змiи и жабы великiя... имъ же числа нѣсть, аки великiя копны сѣнныя, вiющеся отъ земли и до верху: ови свисташа, а иныя шипяше, и отъ иныхъ студено исхождаше, аки въ зимѣ студено бысть." Пробравшись благополучно мимо всѣхъ гадовъ, посланники увидѣли стѣны города, вокругъ котораго лежалъ великiй змѣй. Къ стѣнѣ городской была приставлена лѣстница съ надписью на языкахъ греческомъ, обежскомъ и славянскомъ. Надпись гласила, что по наружной лѣстницѣ можно безопасно подняться на городскую стѣну, и затѣмъ по другой лѣстницѣ спуститься внутрь города, а тамъ уже легко добраться до церкви, гдѣ находятся гробницы святыхъ трехъ строковъ. Послы такъ и сдѣлали, какъ сказано было въ надписи. Въ церкви они нашли на гробницѣ святыхъ кубокъ "чуденъ зѣло, сотворенъ отъ злата и украшенъ жемчугомъ и каменiемъ драгимъ, стоитъ же тотъ кубокъ полнъ мира и ливана. Посланцы же взяша тотъ кубокъ, испиша изъ него, быша весели и уснуша многое время." Проснувшись послы хо-

тѣли взять кубокъ, но изъ гробницы послышался голосъ: "не дерзайте сего кубка взяти, но поидѣте въ царскія сокровища, сія рече въ царевъ дворъ, и тамо возмите знаменіе." Во дворцѣ пришельцы увидѣли въ одной палатѣ "одръ царскій, сотворенъ отъ драгихъ узорочей и украшенъ, на немъ же два вѣнца царскихъ: первый Навходоносора царя Вавилонскаго и всея вселенныя, второй его царицы; и тутъ же видѣша грамоту лежащу, написану греческимъ языкомъ." Въ грамотѣ значилось, что вѣнцы сдѣланы были Новходоносоромъ, "нынѣ же будутъ на греческомъ царѣ Львѣ, въ святомъ крещеніи Василіи, и на его царицѣ Александрѣ." Послы взяли вѣнцы и грамоту. Въ другой палатѣ они нашли дорогія занавѣси, но лишь только дотронулись до нихъ, ткани разсыпались, "понеже лежатъ много лѣтъ." Въ той же палатѣ послы видѣли: "крабицу сердоликову, въ ней бысть царская багряница сія рече порфира " (въ др. спискѣ "порфира и шапка Мономахова и скипетръ царскій"), "два ларца, насыпаны злата и серебра и бисера драгаго и многоцѣннаго каменія",

и "кубокъ златый таковъ же, что и въ церкви святыхъ на гробѣ у св. Ананіи." Взявъ крабицу, злато, кубокъ, царскую багряницу, вѣнцы и "каменія драгаго, числомъ 25 камней, и драгихъ тѣхъ вещей, какъ бы можно нести къ царю Василію, послы, "пошли снова въ церковь, поклонились гробамъ св. трехъ отроковъ, подкрѣпились изъ чудеснаго кубка ихъ, уснули и на другой день пустились въ обратный путь. Грекъ и русскій благополучно перебрались по лѣстницѣ черезъ великаго змія, а обежанинъ зацѣпился ногою, упалъ съ лѣстницы на змія и разбудилъ его. Послы насилу отбѣжали; но едва они нагрузили на коней сокровища, змій страшно засвисталъ - и всѣ пали на землю: и послы и воинство царя Льва, стоявшее неподалеку. Наконецъ послы добрались до царя Льва, который бѣжалъ отъ свиста съ войскомъ, разсказали ему видѣнное и испытанное и передали драгоцѣнности взятыя въ Вавилонѣ.

"Посланіе въ Вавилонъ градъ отъ царя греческаго Улевуя", т.е. Льва Премудраго, пришлось больше по вкусу средѣ народной и перешло въ русскія сказ-

ки, гдѣ осложнилось побочными сказочными мотивами. Имѣемъ въ виду сказки о "Ѳедорѣ Бормѣ", о "Ѳедорѣ Бурмаковѣ" или о "Бормѣ ярыжкѣ", въ которыхъ царскія инсигніи - порфира ("порфида"), корона, скипетръ, рукъ держава и царскій костыль или царскіе жезлы - добываются удалымъ молодцемъ въ Вавилонскомъ царствѣ, въ Вавилонѣ градѣ (вокругъ котораго "обтянулся огненный змѣй") для царя Ивана Васильевича. Въ одномъ ритмическомъ отчасти варіантѣ сказки Борма идетъ на подвигъ изъ Царя-града. Добывши въ Вавилонѣ сокровища, Борма плыветъ на чудесномъ коврѣ по морю въ Царь-градъ: но тутъ было во Царѣ-градѣ великое кровопролитіе; рушилась вѣра православная, не стало царя православнаго. И пошелъ Борма отъ Царя-града въ нашу Русію подселенную, и пришелъ онъ во Казань городъ и вошелъ онъ въ палаты княженецкія, въ княженецкія палаты - богатырскія. Тутъ онъ разсказалъ, какъ добылъ порфиру и вѣнецъ и скипетры и жезлы царскіе. И улегла тутъ порфира и корона съ града Вавилона на голову Грознаго царя правовѣрнаго,

Ивана царя Васильевича, который рушилъ царство поганаго князя Казанскаго. Въ нѣкоторыхъ старинахъ мотивъ также связанъ съ Казанью; поется, напримѣръ, Грозный царь говоритъ о себѣ, что онъ -

"Казанское царство мимоходомъ взялъ,
Царя Симіона подъ миръ склонилъ;
Снялъ я съ царя порфиру царскую,
Привезъ порфиру въ каменну Москву,
Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,
Эту порфиру на себя наложилъ,
Послѣ этого сталъ Грозный царь."

или, царь Иванъ Васильевичъ -

"Взялъ съ него (царя Симеона) царскую корону
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царскій костыль въ руки принялъ,
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава."

КАЗАНСКІЙ ЛѢТОПИСЕЦЪ.

Насколько "Никоновскій Сводъ" и "Степенную Книгу" слѣдуетъ считать произведеніями митрополичьихъ или царскихъ палатъ и канцелярій, настолько Казанскій лѣтописецъ можно счесть за произведеніе любительское, частное. Казанскій лѣтописецъ воспользовался и матеріаломъ и идеями и стилемъ рѣчи позднѣйшихъ сложныхъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, но не сталъ отъ этого ни сухо-официальнымъ, ни однообразно высокопарнымъ, - онъ съ уваженіемъ отнесся и къ старинѣ до-московской, и къ фактической исторіи, и къ преданіямъ народной поэзіи. Заглавіе его старѣйшаго списка таково: "Сказаніе (др. сп. "исторія", "сирѣчь исторія") вкратцѣ о началѣ царства Казанскаго, како и откуды и въ которые времена и лѣта начася, и о брани, и о побѣдахъ великихъ князей московскихъ съ царьми Казанскими и о взятіи царства Казанскаго благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ

Васильевичемъ всеа Русіи самодержцемъ." Авторъ называетъ этотъ свой трудъ "красною, сладкою (т.е. поэтическою) и новою повѣстью", говоритъ, что онъ "покусился разумно (т.е. прагматически) писаніемъ изъявити."

По своему содержанію Казанскій лѣтописецъ представляетъ изложеніе исторіи Казанскаго царства, начиная со времени господства болгаръ, занимавшихъ первоначально территорію царства, и изложеніе взаимно отношеній Казани и Россіи, кончая полнымъ завоеваніемъ Казанскаго Царства (взятіе Казани Иваномъ IV случилось 2-го октября 1551 г.); послѣднія три четверти памятника посвящены событіямъ царствованія Ивана IV. Мысль написать повѣсть-исторію, гдѣ событія были бы объединены вокругъ одного царства, со стольнымъ городомъ (Казанью), по такому плану, чтобы изображались послѣдовательно не только отношенія борющихся царствъ (Русь, Москва - Казань), но и описывался бы городъ, служившій поприщемъ и цѣлью борьбы, начиная съ своего созданія, затѣмъ

самое изображеніе послѣдняго акта борьбы, наконецъ, богатырскій, поэтическій стиль разсказа, съ легендами, предчувствіями, плачами и знаменіями - все это заимствовано авторомъ Казанскаго лѣтописца изъ Повѣсти Нестора-Искандера о взятіи Царя-града турками въ 1453 году (эта повѣсть вошла между прочимъ въ Воскресенскій и Никоновскій своды) и искусно примѣнено къ казанскому взятію. Есть сходство и въ заявленіяхъ обоихъ очевидцевъ-авторовъ о своей судьбѣ: оба были въ агарянскомъ плѣну, Искандеръ у турокъ, гдѣ и обрѣзанъ, а авторъ Казанскаго Лѣтописца - у черемисъ и казанцевъ. Вотъ что пишетъ о себѣ послѣдній: "Грѣхъ ради моихъ случи ми ся плѣнену быти варвары и сведену быти въ Казань, и даша мя царю казанскому въ дарѣхъ; и взятъ мя царь съ любовію къ себѣ служити, въ дворъ свой, постави мя предъ лицемъ своимъ стояти. И бывъ тамо 20 лѣтъ (т.е. 1532-1552 гг.), по взятіе же Казанское изыдохъ изъ Казани,

на имя царево, Московсково. Царь же мя крести, вѣрѣ Христовѣ причте, и мало земли ми удѣломъ дастъ, и нача служити ему вѣрно. Мнѣ же живущи въ Казани, часто прилѣжно отъ царя въ веселіи пытающи ми премудрѣйшихъ и честнѣйшихъ казанцевъ - бѣ бо царь по премногу зная мене и любя мя, велможи же паче мѣры брежаху мя - и слышахъ словомъ отъ самого царя изо устъ многажды и отъ велможъ его." (Ср. слова Искандера: "испытахъ и собрахъ отъ достовѣрныхъ и великихъ мужей вся творимая дѣянія во градѣ противу безвѣрныхъ").

Въ части до дѣйствій Ивана IV противъ Казани, авторъ Казанскаго Лѣтописца пользовался Софійскою лѣтописью, Воскресенской, Никоновскимъ сводомъ и сходными, въ дальнѣйшей части авторъ пользовался "Степенной Книгой" и отрывкомъ лѣтописи 1445 - - 1539 гг. (рукопись Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря N 367), восходящимъ въ основѣ къ Новгородской передѣлкѣ сокращенія Владимірскаго Полихрона 1423 г. Вѣроятно, изъ какого-либо позднѣй-

шаго московскаго лѣтописнаго свода авторъ Казанскаго Лѣтописца заимствовалъ поэтическіе образы Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, которая повліяла на него въ той же почти степени, что и Повѣсть Искандера о взятіи Царя-града.

Изъ обозрѣнія источниковъ "Казанскаго Лѣтописца" видно, насколько былъ разнообразенъ матеріалъ, положенный въ его основу, отсюда получилась разнотонность въ его изложеніи. Въ Казанскомъ Лѣтописцѣ мы встрѣчаемся и съ идеями московскаго политическаго могущества (русскіе князья - искони самодержцы, родоначальникъ ихъ Августъ Кесарь, Мономаховы бармы и т.д.), съ торжественной рѣчью макарьевскаго періода, съ суровой красотой и богатырствомъ Искандеровой Повѣсти, съ книжной поэзіей сказаній о Мамаѣ и т.д. Піитика Казанскаго Лѣтописца отличается тѣмъ же "сборнымъ" характеромъ, какой чувствуется въ большинствѣ литературныхъ произведеній XVI вѣка: тутъ все "своды".

Полагаютъ, что не дошедшая до насъ основная редакція Казанскаго Лѣтописца создана въ 1564 - - 66 гг. (старѣйшая редакція изъ дошедшихъ - 1570 - 71 гг.). Если это вѣрно, то, значитъ, уже къ 60-мъ годамъ XVI в. слѣдуетъ отнести замѣчательное литературное явленіе, именно безстрашное проникновеніе въ историческую книгу устной поэзіи, чертами которой обильно снабженъ Казанскій Лѣтописецъ. Чувство могущества Московскаго государства, его народности проявилось и въ этомъ отношеніи. Эпитеты устной поэзіи разсыпаны въ Казанскомъ Лѣтописцѣ повсюду (поле - чистое, дѣвицы - красные, кони - добрые, удачные, терема - златоверхіе и т.п.); любимецъ автора князь Семенъ Микулинскій "красота и похвала Московскимъ воеводамъ" въ бою видѣнъ издалеча, онъ весь - - пламенъ, поскоки (мети) его коня - выше знаменъ, а мечь его просѣкаетъ въ противныхъ улицы. Читая живописное изображеніе побѣдоноснаго въѣзда Грознаго царя въ Москву, невольно вспомнишь старину о Чурилѣ, какъ пышно онъ выѣзжаетъ изъ чиста поля и

какъ женщины заглядываются на его походочку попливую.

Ѣдутъ молодцы Чуриловы "одноличные", кони подъ ними "однокаріе", "жеребцы все латынскіе, узды-поводы сорочинскіе", среди нихъ "ѣздитъ купавъ молодецъ (Чурило)" въ шубѣ "подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ самитомъ", пуговицы "литы красна золота"; князь Владимiръ испугался: "али же тутъ ѣдетъ уже царь съ ордой, али тута ѣдетъ король съ Литвой?" Смотрючись на красоту Чурилову, княгиня Апраксiя, рупая лебедь, обрѣзала руку бѣлу правую; ходитъ Чурило въ Кіевѣ по улицамъ - "смотрючись на красоту Чурилову, старицы костыли грызутъ, дѣвицы - очелье дерутъ, или "гдѣ дѣвушки глядятъ - заборы трещатъ, гдѣ молодушки глядятъ - лишь оконенки звенятъ."

А вотъ какъ списываетъ въѣздъ Ивана Грознаго Казанскій Лѣтописецъ: Иванъ Васильевичъ "тихо путемъ прохаждаше на царстемъ конѣ своемъ", "облченъ во весь царскій санъ." Народъ и иноземцы дивуются, "ни на коемъ же царѣ, ни на королѣ таковыя

красоты и силы и славы великія" они не видывали. Москвичи забѣгаютъ впередъ и лѣпятся по крышамъ. "Дѣвицы же чертожныя и жены княжи и болярскія, имъ же нелзѣ есть на такая позориша великая, человѣческаго ради срама; изъ домовъ своихъ исходити и изъ хороминъ излазати, полезне есть гдѣ сѣдяху и живяху, яко птицы брегоми въ клѣтицахъ - они же совершенно проницающе изъ вереи, изъ оконецъ своихъ, и въ малыя скважнины глядяху и наслажахуся многаго того видѣнія чюднаго, доброты и славы блещаяся."

Начавшее явно выражаться въ 60-хъ годахъ XVI вѣка вліяніе устной поэзіи на книжную исторію лѣтъ черезъ 75 усилилось до того, что напримѣръ въ одинъ Хронографъ XVII в. была цѣликомъ включена историческая пѣсня объ отравѣ на крестинахъ Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго кумою Марьею, дочерью Малюты Скуратова (другой варіантъ см. въ Сборникѣ Кирши Данилова и у Кирѣевскаго), почти безъ нарушенія стиха, напр.:

(Марія) Поднесла чару питія куму подкрестному

И била челомъ,здоровалась
Крестникомъ Алексѣемъ Ивановичемъ,
И въ той чарѣ въ питіи было уготовано
Лютое питіе смертное.
И князь Михайло Васильевичъ
Выпиваетъ ту чару до суха и не вѣдаетъ,
Что злое питіе лютое смертное.
И не въ долгъ часъ у князя Михаила
Во утробѣ возмутилося.
И не допировалъ пиру почестнаго,
И поѣхалъ къ своей матушкѣ,
Княгинѣ Еленѣ Петровнѣ.
Какъ входитъ въ свои хоромы княжецкіе,
И усмотрила его мати и возрила
Ему въ ясные очи.
И очи у него ярко возмутилися,
И лицо у него страшно знаменуется,
А власы у него на главѣ стоя колеблются.
И восплакалася горько мати его родимая
И во слезахъ говоритъ слово жалостно:

Чадо мое, сынъ, князь Михайло Васильевичъ.

Для чего ты рано и борзо съ честнаго пиру отъ-
ѣхалъ, -

Любо тебѣ богоданный крестный сынъ

Принялъ крещеніе въ нерадости,

Любо тебѣ въ пиру мѣсто было не по отечеству,

Любо тебѣ кумъ и кума подарки дарила непочестные?

А кто тебя на пиру честно упоилъ

Честнымъ питіемъ?

И съ того тебѣ питія на вѣкъ будетъ не проспатися!

И сколько я тебѣ, чадо,

Во Александровѣ слободѣ приказывала

Не ѣздить во градъ Москву,

Что лихи въ Москвѣ звѣри лютые,

А пышатъ ядомъ зміинымъ...

Казанскій Лѣтописецъ былъ весьма популяренъ, разъ 9 онъ подвергался переработкѣ, до насъ дошло около 200 его списковъ, нѣкоторые съ иллюстраціями, въ XVII вѣкѣ онъ вліялъ на хронографы, на позднѣйшую "Степенную Книгу", на отдѣльныя

историческія повѣсти и т.д.

Расцвѣтъ идейнаго лѣтописнаго дѣла Московскаго царства закончился, вѣроятно, въ 70-хъ годахъ XVI в. Къ тому времени устранено и умерло много книжныхъ дѣятелей, создателей этого расцвѣта: митрополитъ Макарій († 1563 г.), его преемникъ Аѳанасій (оставилъ митрополію будто бы по болѣзни въ 1566 г.), благовѣщенскій іерей Сильвестръ, сосланный въ Соловки († до 1564 г.), преемникъ Алексѣя Адашева († 1561 г.), посольскій дьякъ, потомъ печатникъ И.М.Висковатый (казненъ въ концѣ 1570 г.). Проповѣдь политическаго и религіознаго могущества была утверждена въ народномъ сознаніи окончательно. Забылось упоеніе 50-хъ годовъ торжества надъ невѣрнымъ измаилтянскимъ языкомъ, "котораго нѣкогда вся вселенная трепетала" (взятіе Казани и Астрахани), когда "не только кони Русскихъ сыновъ изъ текущихъ въ Азіи рѣкъ напились, но и города тамо поставились" (слова изгнанника князя Курбскаго). Опаливщійся на всю Русь (опричнина съ 1565 г.), царь-книжникъ,

вдохновитель идейнаго лѣтописнаго дѣла, сталъ усиленно заниматься казнями, громилъ Новгородъ и Псковъ (1570 г.) и, удрученный, "скитаясь по странамъ", составилъ въ 1572 г. духовное завѣщаніе дѣтямъ, полное обиды и боязни за прочность династіи. Но, конечно, толчекъ былъ слишкомъ силенъ для того, чтобы лѣтописное дѣло остановилось. Если въ послѣдней четверти XVI в. и не приступали снова къ созданію такихъ громоздкихъ историческихъ предпріятій, какъ напримѣръ, Никоновскій лѣтописный сводъ, то все же продолжали перерабатывать и продлять лѣтами старые своды или создавать отдѣльныя историческія повѣсти, пока событія Смутнаго времени и сильное западное вліяніе не внесли новыя струи въ исторіографію Россіи. Одной изъ такихъ повѣстей конца XVI в. мы и заключимъ свой курсъ.

Повѣсть о прихожденіи короля литовскаго Стефана Баторія въ лѣто 1577-е на великій и славный градъ Псковъ, дошедшая въ двухъ редакціяхъ, была сложена въ самомъ концѣ XVI в. псковскимъ инокомъ.

Псковское происхожденіе Повѣсти удостовѣряется точнымъ знаніемъ топографіи Пскова. Совпаденіе ея съ современными записками о Московской войнѣ польскаго государственнаго дѣятеля Гейденштейна заставляетъ предполагать пользованіе сходными источниками. Авторъ Повѣсти зналъ польскія грамоты, былъ знакомъ со спеціальными терминами польской дипломатики.

Эта Псковская повѣсть довольно обширна, даетъ хронологическія показанія числами дней или днями святыхъ и даже часами, подробно говоритъ о способахъ осады, о дѣйствіяхъ военныхъ отрядовъ, упоминаетъ объ участіи женщинъ въ защитѣ города. Разсказъ свой псковскій инокъ ведетъ отъ начала ливонской войны и соединяетъ съ ней причину похода Стефана Баторія, вкратцѣ говоритъ о предшествовавшихъ событіяхъ (взятіе Полоцка и др. городовъ, мужественная защита Сокола), о призывныхъ грамотахъ Баторія, о попыткахъ завести измѣну и т.д. На борьбу съ Баторіемъ авторъ смотритъ съ религіозной точки зрѣ-

нія, и потому отводитъ немало мѣста религіознымъ средствамъ борьбы, возбуждавшимъ патріотизмъ защитниковъ, и въ особенности обрисовываетъ дѣятельность Псково-Печерскаго монастыря; защиту города онъ приписываетъ покровительству Богоматери, св. Димитрія Солунскаго и Псковскимъ святымъ, но и мужеству гражданъ отводитъ подобающее мѣсто: "аще Богу по насъ, ты ли на насъ?" - обращается онъ къ Баторію. Обратимся къ стилю Повѣсти.

Если исторія о взятіи Казани носитъ на себѣ яркія черты воинской поэзіи и только между прочимъ подчинялась вліянію агіографіи, если Исторія лишь мѣстами украшена книжнымъ риторствомъ XVI в., то Повѣсть объ осадѣ Пскова - вообще плодъ высокопарныхъ церковныхъ твореній въ стилѣ макарьевской эпохи. Въ ней звучитъ и проповѣдь и похвальное слово и благочестивое посланіе.

Искусственность языка доведена до послѣдней степени; сложныя и придуманныя выраженія постоянны, напр.:

градоукрѣпленіе, благоздравіе, друголюбнѣ, мудроучителиѣ, преудобренииѣ, удобьвосходенъ, храбродобро-побѣдный, доброувѣтливый, злоусердный, каменно-дѣльный-оградный, мертво-трупоты, условесоваше.

Или возьмемъ эпитеты Баторія, который, какъ врагъ, по книжному обычаю: всегорделивый, многогорделивый, высокогорделивый.

Но эффектнѣе всего - это "гордонапорная Литва".

Писатель прямо упивался шумомъ своей риторики и для вящаго внушенія слуху ея красотъ постоянно ставилъ рядомъ однозвучныя слова:

многозѣльная злая, многокрѣпленія... крѣпости, смиренномудростію умудряшеся, адаманта твержае утверждшася, ко граду градоемнаго умышленія, злозамышленное ихъ умышленіе, мудроумышленнаго ума, скорообразнымъ образомъ.

Манера выражаться съ такой неловкой сложностью и искусственностью расцвѣла въ одной исторіи Смутнаго времени, именно во Временникѣ дьяка Тимоѳеева (20-е годы XVII в.).

Авторъ Исторіи о Казанскомъ царствѣ подъ вліяніемъ "Степенной книги" еще находилъ нужнымъ втолковывать читателямъ, что Русь искони владѣла тѣми областями, которыя въ XVI в. завоевывались, что она изначала была "едина" и всѣ ея области "единому великому князю служаху", что эти великіе князья были "самодержавцы", и что Москва замѣнила и Римъ и Византію. Авторъ Псковской повѣсти считалъ все это фактомъ общепризнаннымъ, не требующимъ объясненія, и только неизмѣнно повторялъ официальную формулу царской власти: "благовѣрный и христолюбивый государь царь и великій князь всеа Руссіи самодержецъ."

Грозный царь окруженъ здѣсь выраженіями благочестія. Будучи представителемъ основной идеи Повѣсти - стоянія за вѣру - онъ часто молится, припадаетъ "на мраморъ помоста церковнаго", "слезы ... яко струю изъ очію изпущающе", "слезами царьское свое лице омакаше". Языкъ при упоминаніи о немъ держится торжественнаго этикета.

Умѣренности и смиренію Грознаго противопо-

ставлена надменность, несытость и ядовитость польскаго короля Стефана Батуры. Въ лицѣ послѣдняго мы видимъ отзвукъ агіографическихъ дьяволовъ и Діоклетіановъ мучителей. Формула, которою начинается собраніе или совѣтъ Баторія, дастъ прямо житійную картинку въ родѣ суда надъ мученикомъ.

Я уже упоминалъ объ эпитетахъ Баторія со стороны надменности. Теперь остановлюсь на тѣхъ его образахъ, въ которыхъ онъ обрисованъ, подобно своимъ предшественникамъ иновѣрцамъ, примѣнительно къ бѣсамъ и мучителямъ.

Улу Махметъ Казанской исторіи - левъ и змія, но обстановка его символовъ по преимуществу грозная, боевая. Названный разъ львомъ ревущимъ, который "живыя поглотити хощетъ", въ остальныхъ случаяхъ Баторій является въ Псковской Повѣсти, какъ "неутолимый аспидъ", "злоядовитый змѣй", который отрыгиваетъ "ядъ своея несытыя, адовы утробы", или "неутолимыя утробы вредъ своея лютости горломъ и языкомъ наружу изрыгаетъ."

Этотъ образъ змія, пожалуй - не безъ участія народно-поэтическихъ представленій, развитъ въ слѣдующей сложной картинѣ:

"Приближеніе же свое до Пскова увѣдѣвше, (Баторій) яко несытый адъ пропастны своя челюсти раскриваше, Пскова поглотити хотяше, спѣшне же радостнѣ ко Пскову, яко изъ великихъ пещеръ лютый великій змѣй, летяше, не долетѣвъ, во утробѣ у себя того Пскова слышалъ, сказоваше; аспиды же свои и приближныи зміи и скорпіи великій тотъ змій литовскій король блеваніемъ насытити хваляшеся. И тамо яко змій на крилѣхъ на Псковъ летяше и се горделивствомъ своимъ, яко крилами, повалити хотяше, зміины своими языками вся живущая во градѣ, аки жалами, уморити, мняшеся. Вся же въ немъ благая во своихъ адовыхъ утробахъ во свою Литву отнести хваляшеся, достальныя же живыя люди, яко сокровище, на хоботѣхъ въ домы своя принести, глаголахъ, хваляшеся".

Такой символической живописью изобразилъ Псковскій инокъ, по нѣкоторой записи живописецъ "зографъ",

похвальныя слова Стефана Баторія, расказанныя немного выше обычною рѣчью.

Автору Псковской Повѣсти несомнѣнно были извѣстны:

1) Житіе св. Александра Невскаго, 2) Повѣсть о Владимірской иконѣ Богоматери при нахожденіи Темиръ Аксака, 3) Александрія, 4) Сказаніе о Мамаевомъ Побоищѣ, 5) Исторія о Казанскомъ царствѣ.

Всѣми этими произведеніями авторъ могъ воспользоваться безъ затрудненія, такъ какъ они встрѣчаются всѣ вмѣстѣ въ лѣтописномъ сводѣ, въ хронографѣ, или въ историческомъ по составу сборникѣ.

Наибольшее вліяніе на Повѣсть о прихожденіи со стороны стиля оказали Казанская Исторія и Сказаніе о Мамаевомъ Побоищѣ.

Начнемъ съ Исторіи, которая встрѣчается въ сборникахъ, то въ сліяніи съ Псковской Повѣстью, то рядомъ съ нею.

Едва ли можно отрицать, что змѣеподобный Стефанъ Баторій повторяетъ Улу Махмета, царя Казани-змѣинаго гнѣзда. Образъ послѣдняго пріукрашенъ здѣсь страшилами геены и расписанъ въ иконномъ стилѣ народныхъ представленій.

Сравненіе падшихъ въ битвѣ христіанскихъ главъ съ "пшеничными" колосьями взято также изъ Казанской Исторіи, такъ какъ эпитетъ не извѣстенъ Сказанію о Мамаѣ, и притомъ въ послѣднемъ метафора употреблена не для боевой картины.

Изъ Исторіи же перешли сюда сравненія: мостъ изъ труповъ, городъ - гора, войска - воды морскія и звѣзды, и изображеніе грома битвы. Формулы эти частію слиты, частію искажены ультра-книжной передачею.

Перейдемъ къ несомнѣннымъ слѣдамъ вліянія Сказанія о Мамаевомъ Побоищѣ. Такими слѣдуетъ считать: 1) фазу "саблями же своими, яко молніями безчисленными на городъ сверкающе" и 2) поэтическую картинку, скрасившую техническій пріемъ битвы, удостовѣ-

ренный и Гейденштейномъ:

"Великіе кнуты (рус. воеводы) повелѣша на шесты вязати, по концамъ же привязывати повелѣша желѣзные пуги съ вострыми крюки. И сими кнуты егда изъ града за стѣну противу литовскихъ подсѣкателей (стѣны) ударяху, пугами же тѣми острыми крюками, яко ястребьими носы исъ подъ кустовья на заводяхъ утята извлачаху, кнутяными же тѣми желѣзными крюками егда литовскихъ хвастливыхъ градоемцовъ за ризы ихъ и съ тѣломъ захватываше и тѣми ихъ исъ подъ стѣны выдергаше, стрѣльцы же яко бѣлые крѣчаты и сладкій ловъ изъ ручнѣцъ тѣлеса ихъ клѣваше и ни коимы образы Литвѣ утѣкати не даяху."

Вліянію Мамаева побоища слѣдуетъ приписать и эпизодъ о трехъ богатыряхъ "черныхъ образомъ", т.е. инокахъ, которыхъ авторъ Повѣсти искусно представляетъ въ видѣ помощи невидимой божественной силы.

Изъ поэтическихъ образовъ, источникъ которыхъ - въ лѣтописной старинѣ, укажу на развитіе греческой по происхожденію, любимой старой лѣтописью

формулы" "стрѣлы идутъ какъ дождь":

"И начаша стрѣляти изъ оконъ по христіанскому народу противу ихъ ополченія, яко отъ великаго дождевого облака ручными пулками, яко безчисленными каплями на народъ проливающе и яко зміиными жалами христіанъ уморяюще."

Самостоятельныхъ метафоръ у автора Псковской осады немного, напр.: Литва закрывается щитами "яко кровлею", груды труповъ уподобляются той башнѣ, которая обрушилась вмѣстѣ съ ними, "безсильны же себе яко мравіе знающе".

Я уже говорилъ, что общій тонъ Повѣсти - изысканная риторика въ церковномъ стилѣ макарьевской поры. Мѣстами, однако, витійство взято изъ области боевыхъ повѣстей, напр., въ передачѣ нѣкоторыхъ рѣчей Баторія. Мѣстами слышится живая русская рѣчь монаха, заставляющаго Богородицу по простому говорить со святыми, или свидѣтеля анекдота о убійственномъ ларцѣ, присланномъ воеводѣ, а то и просто здраваго человѣка, хоть подъ конецъ Повѣсти

вспомнившаго пословицы: "глава, ногамъ бесѣдуетъ", "затѣялъ еси выше думы дѣло, выше Бога совѣтъ".

Въ обращеніи къ Литовскому королю писатель допускаетъ и иронію, надѣливъ ее рѣдкою фигурою климакса.

"Что же твоего ума, польскій краліо?

Что же твоего безбожнаго совѣту, князь великій Литовскій?

Что же твоего домыслу, Степане - яко вѣтры гониши, или къ морской пучинѣ путь нахожденія видѣти хощеши, или высокопарна орла стези считаеши?

Жестоко ти есть противо рожна стояти!"

Образы этой насмѣшки, можетъ быть, возникли подъ вліяніемъ библейскимъ. Вспомнимъ умирающаго Антіоха, "иже мало прежде мняй волнамъ морскимъ повелевати... и мѣриломъ высоту горъ... измѣрити... и небесныхъ звѣздъ касатися" (II Маккав. книга), и лжеца, который пасетъ вѣтры и гоняется за птицами летающими (Притчи Соломона).

О Г Л А В Л Е Н І Е.

стр.

Введеніе 3

Воскресенскій сводъ 9

Никоновскій сводъ 10

Никоновскій Лицевой сводъ 11

Книга степенная царскаго родословія 17

Одно изъ литературныхъ выраженій идеи политическаго и религіознаго могущества Московскаго государства 26

Казанскій Лѣтописецъ 47